

ГУЛЬБЕДИН ХЕКМАТИЯР для воюющих в Афганистане солдат и офицеров 40-й армии — это было имя врага, умного, жестокого, беспощадного. Он возглавлял Исламскую партию Афганистана. Его штаб-квартира находилась в Пакистане, в городе Пешавар, откуда он руководил афганским сопротивлением, нанося урон воюющим советским войскам. Гультбеддин Хекматияру были подчинены сотни полевых командиров, племенных вождей, обитающих в кишлаках среди полей и виноградников. Эти воины сражались с нашими войсками под Кундузом, Джелалабадом, Кандагаром. Это его люди вели через пустыню Регистан караваны с оружием. Его люди минировали трассы, по которым двигались советские военные колонны. Железные оборонительные остова КамаЗов, боевых машин пехоты и БТРов тянулись вдоль этих трасс. Его люди нападали на придорожные советские заставы, исполняя их реактивными снарядами. Его люди, вооружённые "Стингерами", сбивали наши самолёты, вынуждая лётчиков поднимать свои ма-

шины на огромную высоту, откуда невозможны были точные удары по наземным целям. Люди Гультбеддина Хекматияра создали на приграничной с Пакистаном полосе тюрьму для советских военнопленных. Когда пленные восстали, охрана беспощадно и жестоко уничтожила всех.

Гультбеддин Хекматияр — это образ врага, недоступного, неведомого. Этот образ принимал в моём воображении вид чудовищного, загадочного великана с зубовным скрежетом, с пылающими ненавистью глазами. Могу ли я предположить, что когда-нибудь увижу Гультбеддина Хекматияра, побываю у него дома, приму из его рук пиальку чая? Но это случилось.

Советские войска под командованием генерала Громова покидали Афганистан, пересекли мост в Хайратоне. Громов, уже на советской территории, заявил репортёрам: "40-я армия покинула Афганистан, и теперь на территории Афганистана нет ни одного советского солдата". Это была неправда. В Афганистане оставались советские пленные, их было не меньше полусотни живых, ещё столько же — пропавших без вести. Никто не мог сказать, мертвы они или томятся в неволе.

Общество "Надежда" предложило мне возглавить делегацию родителей, чьи сыновья пропали во время военных действий и, быть может, находились в плену в Пакистане. Появилась надежда вызвать их из плена. С родителями солдат, измученных долгим ожиданием своих пропавших на войне сыновей,

наша делегация побывала в Министерстве обороны у маршала Язова, который ссудил на поездку деньги. Мы надели визит Горбачёву, который принял нас, напутствовал в наш мучительный и трудный поход.

Мы прилетели в Кабул к Наджибулле, получили от него позволение по-

Мы приехали в Пешавар, и встретивший нас администратор повёл всех в среднюю школу, в классы, где пакистанские мальчики и девочки, увидев советских людей, повскакивали с мест и с криками "Аллах акбар!" стали грозить нам кулаками, кидать в нас камнями. Испуганные, огорчённые этим детским

БЕСПОЩАДНЫЙ УРОК

сетить страшную тюрьму Пули-Чархи, где томилась пленные моджахеды. Мы надеялись, что среди них затерялись пойманные пакистанские агенты, и тогда появлялась возможность обмена этих пакистанских агентов на советских военнопленных.

Мы прилетели в Исламабад, и нас приняла госпожа Бхутто — тогдашний премьер-министр Пакистана. Со страдой и сочувствуя несчастным родителям, обещала помочь и организовала нашу поездку в Пешавар, к границе с Афганистаном, где размещалась штаб-квартира Гультбеддина Хекматияра; именно с ним мы желали встретиться, упоная на его милосердие и великодушие. Надеялись, что теперь, когда советские войска ушли из Афганистана, Гультбеддин скжигается над несчастными родителями и отпустит на свободу тех пленных, что держат в расположении полевых командиров, которыми управ-лял Хекматияр.

гневом матери пленных солдат бежали из классов, а следом летели камни, раздавались крики: "Аллах акбар!".

Гультбеддин Хекматияр принял нас на своей вилле — в чистом, прохладном доме, окружённом высокой глинобитной стеной. Мы сняли у порога обувь, прошли по коврам в зал, и из кресла поднялся навстречу нам стройный, худой человек в афганском облачении, в чалме, с небольшой чёрной бородкой, огненными глазами. Он улыбнулся без-носнейной улыбкой. Мы обменялись с ним рукопожатиями. Он выслушал нас, попросил назвать имена солдат, за которыми приехали матери. Служители поставили на маленький резной столик вазочки с восточными сладостями, пиапки, маленькие стеклянные стаканчики, куда разлили густой чёрный душистый чай. Гультбеддин Хекматияр, улыбаясь, сам потчевал меня, подносил к моей пиале большой разноцветный чайник, лил из него чёрную как смола струю. Образ чу-

довища, который я носил в себе, лопался, исчезал. Я видел перед собой изысканного, благожелательного человека в сандалиях на босу ногу. Я видел его аккуратные холеные пальцы ног, тёмные волосы на ноге. Мне казалось, что Гультбеддин исполнен сострадания, и мы ждали от него сдержанного и милосердного поступка.

Матери несчастных солдат кланялись ему, были готовы целовать его руки, просили вернуть им сыновей. Гультбеддин поднялся из кресла, указал на резную дверь, пригласил нас выйти наружу. Сам пошёл первым, в своём серебристо-сером одеянии.

Мы последовали за ним и оказались на просторной зелёной луговине. По краям этой луговины стояло множество инвалидных колясок. В них сидели молодые люди без ног, без рук, с выбитыми глазами, с лицами в уродливых шрамах. Гультбеддин обратился к нам и сказал: "Вы просите нас вернуть вам ваших сыновей. Я вижу, ваши сердца обливаются кровью. Но ведь это ваши сыновья усеяли наши поля, наши дороги лепестковыми минами, на которых подрывались наши молодые люди. И вот вы видите, в кого они превратились. Вы просите нас о милосердии. Но разве ваше правительство принесло нам свои извинения? Если я отдам ваших детей, что я скажу родителям этих, а также тех, что погибли от рук ваших сыновей?"

Матери зарыдали, стали голосить, пошли вдоль рядов инвалидных колясок, кланялись сидящим в них моджахедам, просили у них прощения, умоляли

простить их сыновей. Бежали по кругу вдоль этих рядов, рыдая и заламывая руки. А на них из инвалидных колясок смотрели строгие, непрощающие глаза.

Этот бе матерей по кругу был ужасен. Гультбеддин смотрел на стонающих женщин, и было видно, что он доволен этим жестоким спектаклем. Одна из матерей упала без чувств, другие подняли её, повели повисшую на их руках. Мы вернулись в дом, где только что пили чай, женщины, продолжая рыдать, словно исхлёстанные жестоким бичом, не могли произнести ни слова. Я был потрясён. Я остро почувствовал боль этих ран, нанесённых извеченным юшамом. Мои соотечественники, и я в том числе, принесли им столько страданий. Мне было бесконечно жалко этих измученных женщин, которых подвергли ужасной пытке. Я смотрел на Гультбеддина Хекматияра, задумавшего этот жестокий театр, и видел, как он наслаждался зрелищем бегущих, молящих о пощаде матерей.

Мы пробыли в его доме ещё долго, и нам привели одного из пленных солдат. Он не понимал, что случилось, когда к нему устремились рыдающие женщины, обнимали его, целовали, прижимали к сердцу. Мы отвезли его в Советский Союз.

По сей день я помню смуглое лицо Хекматияра с чёрной бородкой, его белую рыхлую чалму, босые ноги в сандалиях, любозную руку, наклоняющую над мной пиалю тяжёлый чайник, льющуюся из чайника смоляную душистую струю.

Александр ПРОХАНОВ

Окончание. Начало — на стр. 1

НА БЕССЧЁТНЫХ "прямых линиях", в интервью подобострастным журналистам Путин говорил очень много и на разные темы. За 20 лет сложилась целая традиция истолкования его шуток и намёков. Но на этот раз его речь звучала выверенно и хлестко — и вместе с тем отрезвляюще. Эдакий сеанс прямоты с нарочито неполиткорректными оговорками типа "не знаю, как там Швеция". То есть Путин говорил со слушателями как бы без маски, когда не требуются переводчики с языка политического на язык человеческий.

Вместе с тем полного разрыва с традицией не произошло — как обычно, звучали пространные пассажи с заверениями о преданности идеалам ООН и тому подобное. Да, Путин не отказался — и никогда не откажется — от проговаривания обязательных мантр про приверженность общечеловеческим ценностям и про демократию, от иных обязательных маркёров официального политического языка. Но и этого декора в путинском выступлении было заметно меньше, чем прежде — да и звучали такие высказывания не в тональности обязательных протокольных словословий, а скорее иронично.

Владимир КРЕСТОВСКИЙ

ПУТИН БЕЗ МАСКИ

Впечатления от валдайского выступления

Напрямую сказать о надвигающихся катаклизмах, предвещать которых произносит весь его речь, Путин не может, но он — наконец-то! — позволил себе несколько больше обычного. "Пандемия коронавируса, переживаемая в этом году, может послужить своеобразной точкой отсчёта..." — то есть имеется в виду, что обратный отсчёт уже пошёл. Глобальное переустройство, перераспределение сфер влияния сверхдержав — а Путин в своём выступлении впервые назвал Россию сверхдержавой, пусть и не напрямую, а через аналогию с Китаем — это землетрясение в океане, которое рано или поздно вызовет цунами.

Речевой стилистике президента всегда не хватало политической трюмности, объёма и определённого люфта. Теперь становится понятно, что причиной тому была не неспособность плести красивые словеса, а жёсткие рамки самоконтроля. Сегодня такое время настало.

Постбиполлярный мир стареет, как когда-то старел мир послевоенный, равныйшийся за рамки не только Потсдама, но уже и Хельсинки. Путин тоже стареет, постепенно отказывается от лакированного или, как его окрестили некоторые эксперты, гламурного образа, к которому привыкли и за который ему пеняли миллионы. Если раньше каждую банальность, прозвучавшую из уст президента, зазвучивали десятки политологов, словно дельфийские жрецы — пифию, то теперь нарратив Путина стал намного более эгалитарным. И вместе с тем — совсем уж невыносимым для хрупкого сознания миллионы. Ещё никогда так явно Путин не вставал на сторону скарпального государства. Естественно, текущие политические реалии не могут позволить говорить такие вещи напрямую даже университетскому профессору, не говоря уже о главе государства. "Социальная дистанция" индивидуализма и эгоизма увеличилась до непреодолимых размеров, ничем не подкреплённый суверенитет распухшего "я", паразитирующий на государственном суверенитете, не позволяет никакого вторжения в свои границы. И тем не менее Путин в своей спокойной и рассудительной манере, обходя острые углы, всё-таки сумел донести до аудитории главное. Сильное государство не может существовать без поддержки гражданского общества — но какого гражданского общества? "Сильное, свободное, самостоятельное гражданское общество по определению национально ориентированно и суверенно", оно — конкретно, оно — зеркало, в которое смотрит страна, оно — её продукт и предикат, а не проявление жуткого и обесчелоченного "абстрактного транснационального разума".

Отвечая на вопросы участников заседания, Путину пришлось много говорить на темы, связанные с внешней политикой России, хотя, очевидно, делал он это с некоторым неудовольствием. По-видимому, основной акцент он хотел сделать на концептуально-декларативной части своего выступления и потому опасался замалчивания темы. По внешнеполитическим вопросам, особенно связанным с Турцией, он высказался предельно загадочно. Вероятно, это связано с очередным па в бесконечном российско-турецком танго. Но из его слов понятно — Турция "заминена" по отношению к России, во всяком случае, формально, во всяком случае, на какое-то время. (Кстати, несмотря на буквально в унисон с валдайской речью Путина Эрдоган позволил себе покуситься на святая святых — секулярные ценности нынешней Европы?) А ответ на тривиальное непонимание сомнительных наследников Ататюрка крымского референдума тоже найдётся и будет столь же тривиальным, как и констатация: "Чего мы точно не можем забывать — это то, что произошло в судьбе афганского народа, нации в период Первой мировой войны". И это оказывается достаточно, всё сразу встаёт на свои места, дополняется такой же рутинной на первый взгляд фразой о том, что "наша политика на постсоветском пространстве в рамках СНГ является главной составляющей нашей внешней политики вообще".

Валдайский форум. Владимир Путин

Говоря о международной повестке, Путин в довольно непривычной для себя манере сдвигает смысловой акцент. Если раньше речь шла в основном о партнёрстве, сотрудничестве, многополярности и прочих общих и набивших оскомину местах, то сейчас в центре всего оказывается именно Россия. Бряд ли в мышлении Путина произошёл какой-то перелом — скорее, это ещё одно подтверждение того, что он просто отказывается говорить на языке безъязыкого международного истеблишмента. А может, и вовсе просто тонко издевается над ним. Очень показательна в этом смысле его внезапная забывчивость по поводу количества участников Минской группы.

Путин не говорит об этом, но тем не менее напрашивается вопрос: как будет построена становящаяся необходимой при таком парадигмальном сдвиге, который намечается ещё перед конституционным референдумом, государственная пропаганда? Напрасно Путин кивает на "Отцов и детей" Тургенева — базаровым имя легион. Дешёвые нигилисты, неспособные ни на что, кроме примитивного критиканства и политиканства, в той России, которую, как кажется, наконец, возманился строить президент, не нужны. Но, к сожалению, приходится признать, что поколение, родившееся в 90-е и повзрослевшее в "длинные нулевые", за редкими индивидуальными исключениями, утрачено для страны. Понятия скарпальности государства, мистического этактизма, о чём говорит президент, абсолютно чужды им. Другое дело — люди, родившиеся в "длинные нулевые". Они гораздо менее циничны и по большому счёту готовы стать материалом большой государственной стройки. На них-то и нужно направлять яркую, сильную и изыщную пропаганду вечных, не меняющихся в зависимости от конкретного режима ценностей патриотизма — того самого патриотизма, о котором так любит говорить Путин.

Под давлением исторических эпох спрессовываются, как каменные породы, общности и идентичности. Российская Федерация, чья идентичность пока что эклектична в плохом смысле этого слова, должна в кратчайшие сроки "спрессоваться" до собственного вечного субстрата и — будучи исторически обречённой на эклектичность — превратить эту свою особенность из аляповатого смешения культурных особняков и рекламы американских сигарет, как это было в 90-е годы, в русскую эклектику шервудского Исторического музея.

Путин сам называет себя "функцией" на службе Родины, и такая "функция" является для него смыслом жизни. Максимальное самообезличивание — ещё один сигнал того, что страна начинает (только сейчас!) пересобирать и мучительно восстанавливать свою растерзанную, поруганную и в какой-то момент практически полностью уничтоженную систему.

Что очень важно, Путин фактически впервые открыто заявил о тесной взаимосвязи устойчивости российского суверенитета и его собственного нахождения у власти — хотя, если рассматривать его выступление и ответы на вопросы буквально, продолжает стыдливо это отрицать. Почему он так беззастенчиво (для либеральной публики) заявляет, о том, "что будет в 2024 году или в позднее время, нужно будет посмотреть, когда время подойдёт"? Откуда такое неприкрытое презрение к постоянно чем-то шокированному общественному мнению? Ответ, опять же, кроется в неумолимо надвигающемся катаклизме. Путин не может сказать, когда точно тот произойдёт, но внезапно нахавшимся такой катаклизмом точно не будет, и Путин намекает на то, что знает несколько больше аудитории, к которой обращается.

Президент говорит о необходимости "напряжённо работать, как святой Франциск, каждому на своём участке". Толковать эту фразу можно разными способами. Радует уже то, что в принципе появился предмет для толкования — раньше эксперты пытались разглядеть несуществующее второе дно во вполне конвенциональных фразах президента. Что касается примера Франциска Ассизского, помимо

очевидной аскетической коннотации, вспоминается история из молодости этого католического святого. Желая служить церкви, Франциск отдал священнику деньги своего отца. Тот, естественно, пришёл в ярость и потребовал суда у местного епископа. В итоге деньги и даже одежду из родного дома Франциск вернул, но объявил, что отныне он — только Божье чадо. В этой истории, обладающей достаточным воображением, легко увидеть определённые аллюзии. Придя к власти как компромиссная фигура, Путин не стал игрой в руках олигархов и "семьи" и не продолжил политику своего предшественника, а теперь, спустя 20 с лишним лет, объявил себя исключительно "функцией" на службе страны.

Однажды правление Путина, "безусловно, должно закончиться", как говорит он сам. Вопрос, однако, в том, как именно оно закончится. Игра идёт ва-банк и с максимально высокой ставкой. Проиграть здесь нельзя. Другое дело, что путинская эпоха на самом деле, в своём сущностном аспекте, только начинается. У неё имеется колоссальный потенциал — в 90-е годы казалось невозможным появление устойчивого лидера с имперскими и скрытно-реваншистскими взглядами, и тем не менее это произошло, что опять же доказывает невозможность рационального постижения истории.

На протяжении всего своего существования Россия часто оказывалась на грани полной катастрофы, тотального краха. Но каждый раз что-то или кто-то (или Кто-то) вытягивал её буквально из пропасти. Произнесённая на Валдайском клубе речь Путина может свидетельствовать о том, что президент готовится к очередному крутому повороту истории. Элемент риска всегда присутствует в политике, и чем выше ранг политика, чем более фундаментальные вопросы ждут его решений, тем этот риск выше. Путин уже поставил себя в такое положение, что его уход с политического олимпа не будет нейтральным и спокойным ни в каком случае: это будет либо триумф, либо трагедия, либо — смерть на занимаемой им должности главы государства. И, кто бы что ни говорил, надежды на триумф далеко не иллюзорны.

Пандемия коронавируса — предварительный тест, пробный экзамен, а настоящий экзамен всем сверхдержавам придётся сдавать довольно скоро. По мнению Путина, Россия этот предварительный экзамен сдала. На фоне событий такого масштаба блёкнут какие-то слишком уж сиоимнутые проблемы и вопросы. Можно долго спорить, отталкиваясь от речи президента, о том, что станет настоящим приемником, как изменится баланс "силового" и "системных либералов", на какую из башен Кремля работает Навальный. Можно даже идти в словах Путина подтверждение каких-то из многочисленных конспирологических теорий. Но, в сущности, всё его выступление — это констатация банальной и простой истины: коронавирус — репетиция большой беды. И судя по тому, что Путин отказался, наконец, от своей изрядно потрёпанной маски демократического лидера и заговорил об "ордене меченосцев" на службе Отечества, он понимает весь трагический масштаб надвигающегося катаклизма и готов к нему. Чт, в свою очередь, позволяет надеяться на то, что Россия в очередной раз удержится на краю и действительно простудится на похоронах своих онтологических врагов.

Можно возразить: так ведь была же в 2007 году мюнхенская речь, которая, казалось, стала точкой невозврата, но после неё последовал откат к прежним, как в первый президентский срок, заигрываниям с Западом, особенно в бытность премьером. И казалось бы, эта речь также почти (ну, полтора года не в счёт) совпала с мировым кризисом. В чём же разница с настоящим моментом? А разница в том, что в отличие от того времени мир действительно, по-настоящему изменился. Изменился до неузнаваемости. Некогда объявляемый глобально интегрированным, он на глазах за несколько месяцев распался на национальные квартиры, оккупированные прежде непредсказуемыми конфликтами. Глобальной осталась, по сути, лишь антирусная маска. А значит, для России и её лидера самое время начать действовать без опостылевшей постсоветской маски.

УРОКИ НВП

Владимир Винников
О новой внешней политике

ГОД 2020-Й от Рождества Христова оказался настолько насыщен различными неожиданными и порой невероятными событиями, что даже как-то не верится в его уже скорое завершение и в обычное, рутинное начало следующего, 2021 года. Обвал мировой экономики и свёртывание торговли, закрытые национальные границы, фактическое уничтожение таких сфер, как шоу-бизнес, туризм и транспорт, в особенности гражданской авиации, "онлайн-революция" с переводом сотен миллионов трудящихся и учащихся на "удалёнку" — всё это фундаментальным образом меняет известную и привычную нам картину мира. Мира, который, говоря словами "гуру" американской геостратегии Генри Киссинджера, "больше никогда не будет прежним".

Столь фундаментальные изменения будут иметь чрезвычайно значимые и "долгоиграющие" последствия, которые скажутся и на экономике, и на политике, внутренней и внешней, и на идеологии всех современных государств. Россия здесь вовсе не исключение. Тем более, что "изоляция" нашей страны на международной арене началась задолго до объявления ВОЗ 11 марта 2020 года о пандемии COVID-19. Она датируется почти шестью годами ранее, когда "мировое сообщество" в лице США и их союзников после победы прозападного "евромайдана" в Киеве не признало итоги референдума в Крыму 16 марта 2014 года, с выхождением этого полуострова из состава Украины и воссоединением с Россией.

Но всё это время дипломатический курс официальной Москвы состоял в том, чтобы, даже вводя контрсанкции и развивая необходимый импортзамещение, неизменно призывать своих западных "партнёров" к восстановлению и возобновлению "докрымского" статус-кво образца 1992–2013 годов. Однако, поскольку эти призывы и связанные с ними предложения демонстративно игнорировались их адресатами, предпочитавшими говорить с Россией на языке обвинений и ультиматумов, а на границах нашей страны при этом вроде бы сами собой разоглались всё новые очаги "цветных революций" и региональных конфликтов, вопрос о пересмотре приоритетов отечественной внешней политики становился всё более актуальным. И вот после очередного "пакета" скандалов и провокаций (на этот раз — с попытками "цветных революций" в Белоруссии и Киргизии, "отравлением Навального", а также очередным обострением азербайджано-армянского конфликта в Закавказье) чаще терпения оказалась переполненной. Количество, кажется, наконец-то перешло в новое качество.

Сначала об этом заявил министр иностранных дел РФ Сергей Лавров, а затем — и президент Владимир Путин. "Мы будем вынуждены прекратить на какое-то время общаться с Евросоюзом, если там не понимают необходимости взаимоважного разговора с РФ", — отметил глава российской дипломатии. А глава Российского государства был ещё более резок: "Укрепляя нашу страну, глядя на то, что происходит в мире в других странах, хочу сказать тем, кто ещё ждёт постепенного затухания России: нас в этом случае беспокоит только одно — как бы не простудиться на ваших похоронах".

Что показательно, все эти слова были немедленно и даже с упреждением подкреплены соответствующими действиями: Россия вышла из совместной с Австралией и Нидерландами консультативной комиссии по катастрофе 17 июля 2014 года малайзийского "боинга" рейса MH-17 и заморозила действие соглашения с Соединёнными Штатами по утилизации оружия плутония. Вроде бы не слишком резонансные шаги и не на самых магистральных направлениях, но они, а главное — стоящие за ними перспективы последующих действий российской стороны, вне всякого сомнения, были поняти западными "партнёрами" России и вызвали соответствующую реакцию. Так, в частности, из "мейнстрима" американского медиапространства как-то внезапно и очень по-тихому ушла тема "русского вмешательства в президентские выборы" (оно и понятно: вслед за плутонием могут последовать титан, уран и двигатели для космических ракет, не говоря уже про всё остальное), а в Германии официально заявили о том, что "дело Навального" не станет поводом для отказа от достройки газопровода "Северный поток-2".

Видимо, термин "истерика", использованный Путиным для оценки нынешней политики наших западных "партнёров" применительно к России, вполне соответствует действительности. Но куда важнее объективная причина такой истерики, которая тоже не вызывает сомнения: это утрата "коллективным Западом" своего более чем пятидесятилетнего "глобального лидерства". Флагманом этого лидерства в разные эпохи становились Португалия, Испания, Голландия, Великобритания, США, но общая цивилизационная "матрица", подразумевающая захват и контроль пространств с помощью максимальной "суммы знаний и технологий" сообществ индивидуумов — носителей либеральных прав и свобод — при этом оставалась неизменной.

Более того, в результате двух (или даже трёх, с учётом "холодной") мировых войн XX века эта "матрица" после 1991 года обрела цельность и единство в таком специфическом фазовом состоянии, которое называлось "однопольярным миром" Pax Americana, а сами Соединённые Штаты вошли в зенит своего могущества став единственной сверхдержавой и доминируя во всех сферах бытия: экономической, военной, финансовой и информационной. Американские и вообще западные инвестиции и технологии через транснациональные корпорации и офшоры побежали в страны "третьего мира" — к "нулевой экологии", дешёвой рабочей силе и грандиозным новым сверхприбылям.

Оборотная сторона этого процесса — утрата Соединёнными Штатами своего глобального лидерства, что в недавнем прошлом было отмечено следующими вехами: — 2007 год — КНР становится первой экономикой мира по объёму реального сектора производства; — конец 2013 года — КНР становится первой экономикой мира по производству внутреннего валового продукта с учётом паритета покупательной способности (БВП ППС);

— 7 октября 2015 года — с успешным запуском российских крылатых ракет "Калибр" из акватории Каспийского моря по целям в Сирии США де-факто теряют монополию на глобальную "проекции силы" в "безъядерном" варианте, их авианосные ударные группы оказываются больше не в состоянии решать стратегическую задачу полного и непрерывного контроля над Мировым океаном и проложенными там торговыми путями; — октябрь 2020 года — "империя доллара" теряет национальную опору, поскольку доходы Соединённых Штатов начали покрываться эмиссией печатного станка ФРС более чем на 50%.

Таким образом, из четырёх "сверхдержавных" опор — экономической, военной, финансовой и информационной — в распоряжении США теперь осталась только одна, последняя. Да и она, вследствие нынешней запредельной перегрузки, вызывающей полную "фейкизацию" глобального медиапространства, включая Интернет, уже хайли-лайкли дышит на ладан.

Более того, в результате краха Pax Americana весь "коллективный Запад" крошится и осыпается буквально у нас на глазах, причём линии раскола возникают и внутри входящих в него государств, и между ними, далее распространяясь на человечество в целом.

В Соединённых Штатах, как известно, случилась победа Дональда Трампа на президентских выборах 2016 года, её непризнание "глубинным государством" и "холодная гражданская война" с массовыми протестными акциями движения BLM (Black Lives Matter! — "Чёрные жизни важны!"). В Великобритании — "брекзит" плюс угроза выхода из Соединённого Королевства Северной Ирландии, а также, скорее всего, Шотландии. Во Франции — протесты "жёлтых жилетов" и волнения мигрантов, по преимуществу — мусульманских. Впрочем, мигранты уже диктуют свои правила в Германии, Швеции, а также в ряде других стран континентальной Европы.

Обострились противоречия в НАТО (самые яркие примеры — давление США на европейские страны с целью повышения их оборонных расходов, вопрос о статусе Гренландии, конфликты, связанные с Ливией и Кипром, где Турция противостоит Франции и Греции), в Евросоюзе, где нарастают противоречия между странами "старой" и "новой" Европы; можно также упомянуть американо-германские разногласия относительно газопровода "Северный поток-2", стремление Франции стать лидером ЕС вместо Германии и так далее.

При этом на международной арене со стороны Соединённых Штатов нет никаких попыток реального — не на словах, а на деле — совместного преодоления системного цивилизационного кризиса. Напротив, продолжается и усиливается "игра без правил" по принципу "умри ты сегодня, а я завтра".

В связи с этим возникает вопрос о том, какой может и должна быть новая, внешняя политика Кремля. Ответ на него уже есть, и он ясен: отказ от курса на сближение с Западом не означает какого-то "ухода в горы", самозолотия или же "разворота на Восток", включая "интеграцию" с КНР. Это означает позиционирование России как самостоятельного "центра силы" современного мира — центра, выстраивающего двусторонние и многосторонние отношения с любыми государствами, а также с иными акторами международной политики только по той повестке, которая соответствует или как минимум не противоречит национальным интересам нашей страны и (важный момент!) интересам сохранения нашей планеты как вмещающей среды для человеческой цивилизации — на максимально равноправной и взаимовыгодной основе. С отдельным и особым вниманием к государствам "постсоветского пространства", разумеется, где общие интересы объективно наиболее значимы и сильны.

Нашей стране уже сегодня есть, что предложить своим актуальным и потенциальным контрагентам. Обобщая, это предложение можно назвать "комплексным зонтиком безопасности" (включая не только системы ПРО и ПВО, средства РЭБ и другие системы вооружения, но и кибербезопасность, биологическую, энергетическую, продовольственную безопасность и так далее, включая арбитраж внутренних и внешних конфликтов). А в перспективе данный зонтик будет становиться всё больше и надёжнее. Так что со стороны России это не "бравада" и не "попытка шантажа негодными средствами", как поспешили заявить глобальные массмедиа.

Что касается последствий такого сигнала, такой "поддачи", сделанной буквально накануне "судьбоносных" президентских выборов в США, они особых вопросов не вызывают. "Вашингтонский обком" вне зависимости от того, кто пройдёт церемонией инаугурации 20 января 2021 года, Трамп, Байден или кто-то ещё, не откажется от попыток любыми средствами ослабить, нейтрализовать или даже уничтожить наличный российский потенциал. Точно так же союзники и даже сателлиты США в обзорной перспективе ближайших 5–10 лет вряд ли решатся окончательно выйти из тени крыльев американского орла — если того, конечно, не постигнет скоропостижная кончина. Китай и другие страны "третьего мира" так или иначе начнут использовать предоставленные им Россией новые возможности для укрепления своих позиций на мировой арене.

Но влияние смены внешнеполитического курса нашей страны на её внутреннюю политику куда менее понятно и предсказуемо. Будет ли такая смена сопровождаться мерами по устранению социального и регионального неравенства, а также системной, опережающей модернизацией, в том числе в сферах здравоохранения, образования, науки, организации и оплаты труда, управления экономикой и так далее? Будут ли такую модернизацию проводить какие-то новые кадры или "коней на переправе не меняют"? Даже "тройняшки", типа Чубайса, Кудрина, Силуанова и К? Уж сделанные на этом пути шаги, включая поправки к Конституции и внесение закона о Госсовете, вроде бы несомненно свидетельствуют в пользу первого сценария. Но всё это вовсе не отменяет вариативности перехода от слов к делу, от правых норм к правоприменительной практике: "Глаголо было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним — ходить".

Газетный вариант. Полностью — на сайте zavtra.ru